

Юлия ПИКАЛОВА

СОН АНТРОПОЛОГА

Татьяне Черниговской

Едва замкнется дверь времен грядущих,
Умрет все знание, свойственное нам.

А. Данте. Божественная комедия

мы любили тепло того что у вас называют солнцем
мастерили дудочки из костей
но потом уступили планету вам кроманьонцам
почему? у вас есть ученые пусть они и скажут вам без затей

так мол и так маловата лобная доля
ни общиной осесть ни приручить волков
вот и осталось слабым убраться с поля
был такой планетянин — и был таков

наши останки по разным местам покоясь
иногда отыщутся вот теперь вы будете их беречь
у нас тоже была подъязычная кость гортань и голос
но никто ничего не знает про нашу речь

и когда настанет и ваш черед поглотиться другими
или вовсе убраться с лица усталой земли
не останется никого кто вспомнил бы ваше имя
только волки если бы говорить могли

ах у вас есть письменность биб-ли-о-тека
и как правильно — серверы? серверá? ну да
вы же сами сказали от всего человека
остается... забыл... никогде? никогда? никогда?

ВЫХОД(НОЙ)

1.

Плывет. Куда ж нам плыть?..

А. С. Пушкин

куда ж нам плыть? — ты молвил выходя
скорее машинально на прогулку

Юлия Пикалова родилась в Москве, живет в Италии. Окончила филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета и программу «Мастер делового администрирования» Государственного университета Калифорнии.

и влился в люд, покуда нет дождя
текущий не спеша по переулку

куда — не все ль одно? часовня сквер
и поворот на улицу пошире
где на карнизах мордочки химер
где пончики обжаривают в жире

где продают футболки и платки
где щиколотки вывихнет брусчатка
где встречные глаза неглубоки
и в памяти не будет отпечатка

где голуби вальжны и жирны
где дразнятся соперницы афиши
и где флейтист у крепостной стены
в семи шагах тебе уже не слышен

струится жизнь и ткань ее тонка
просвечивает вечное повсюду
пока ты примостился у ларька
и ешь из одноразовой посуды

струится жизнь
и ткань ее тонка
и ты по эту сторону пока
куда ж нам плыть — известно и не думай
покуда масло с пончика стекло
на пальцы,
и витринное стекло
бликуя отражает лик угрюмый

2.

Ко мне внезапно постучался ритм:
(ты ешь) из одноразовой посуды...
Казалось бы, ну что за чепуха!
Отбрось ее и занимайся делом.
Но ритм был так настойчив, что пришлось
задуматься, к чему меня он клонит.
Тогда, закрыв глаза, я попыталась
вообразить: кто ест, и что, и где,
и как туда попал...

И понемногу
кварталы исторического центра
всех сразу европейских городов
прорисовались на изнанке век.
Но для чего — пока еще не знала.
В числе других была строка про ткань,

и сквозь нее просвечивало что-то —
точней, темнело, но ведь темнота
просвечивать не может? И тогда
язык помог: просВЕЧивает ВЕЧность!

И сразу подтянулось остальное:
и Пушкин, и брусчатка, и химеры,
и ПОНЧИКИ, и пончики, о да.

«Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда.»

ПРИВЕТ

мы же писатели с... каторжники пера
А. Цветков

то ли мир довертелся то ли в лаборатории
бог-второкурсник нарушил баланс зла и добра
долг наш теперь последний фиксировать крах истории
мы же поэты сцую каторжники пера

белые хризантемы вспышками хиросимы
распускают над шариком дикие лепестки
к бою братья-поэты встретим конец красиво
сделаем из сахара сахарные пески

здесь без конца историю воссоздавали заново
только рисковей на каждом витке и злей
вышли в финал так падай пожарный занавес
заизолируй зарево и залей

чтобы дурной пример для других галактик
не подавали пора пора на корню
чтоб неудачных лабораторных практик
минимизировать выхлоп и пачкотню

лидеры сверхдержав рухлядь дерьмо никчемность
плачут не то нажав мир отгорел на треть

видимо мы и есть те самые люди в черном
все нипочем нам лишь бы запечатлеть

и разлетаются фейерверком обломки
шарика голубого крепкой земной коры
свет напоследок дальше будут потемки
вот и узнаем как выглядят тартарары
вот и узрим предсказанья певцов отпетых
и подберем антоним к святая святых
и второпях из слов уже не распятых
в преткновения знаках всяких там запятых

соорудим нетленку последняя ночь помпеи
дань отдавая прощальную языку
чтобы однажды эксперт из кассиопеи
мучаясь долго все же прочел
ку-ку

ПЕШЕХОД

...Бензин вдыхает и судьбу клянет!
О. Мандельштам

Все ловишь, ловишь запахи полей
среди скупых зеленых насаждений.
Была травинка матерью твоей
за миллион земных перерождений.

Но дом твой — сер, и небосклон твой — сер
и низок, будто потолок таверны.
Тебе остался предпоследний сквер
среди твоей же суеты и скверны.

БАВИЛОН

колеса мегаполиса,
круги и жернова.
кому какая польза,
когда растет трава?

ты городской по крови,
пропискам, паспортам.
но Вавилон покроет
забытым сном, а там —

леса непроходимые,
без имени река,
азартный глаз ундины,
узревший чужака!

и ты — в воде по пояс,
и помнятся едва
колеса мегаполиса,
круги и жернова!

ПОЖАРЫ

горят леса и города
консерватории музеи
вокруг толпятся как всегда
бездельники и ротозеи

бездарных блогеров орда
бездумных фолловеров орды
горят леса и города
горят беспомощно и гордо

мой шарик голубой в огне
переливается багрово
в дозоре я и мнится мне
огнеустойчивое слово

не эта блогерская чушь
не легковерные ресницы —
второго тома мертвых душ
огнеупорные страницы

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ

Дальше — тишина.
У. Шекспир

сколько раз, застигнутая врасплох,
выпадала напрочь в далеком ритме.
из недлинных двух. из скерцозных трех.
вечно разное. что же он говорит мне?

то ли шлет отчаянный чей-то sos,
то ли сон, в котором не высыпаюсь.
только знаю — это всерьез, всерьез.
только слышу все больше — пауз, пауз.

из торопких трех... из нечетких двух...
караулю. внемлю. не отступаюсь.
но несут все меньше глаза и слух.
но включается больше память, память.

даже если вовсе не умирать —
дашь дорогу, в прошлое улетаю,
и Шопена будут учить играть
педагоги мудрые из Китая,

а потом не станет морей и гор,
да и вся земля — мимолетный случай,
и в молчанье в память направит взор
наблюдатель с темной Ро Офиучи.

ну давай же, как там: проснись и пой,
ночь нежна, жизнь прекрасна и все такое!..
глух и полон накрывший меня покой.
и вот он-то мне не дает покоя.

ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ

Как мы с тобой бездомны и похожи!
Как много света в этой синей мгле!
Как хорошо с тобою плакать, Боже,
На нашей неприкаянной Земле!

Она летит, и кружится, и кружит,
Она одна,
Она совсем мала...
Но ей с тобою так надежно, Друзе,
Так крепко, Брате, так уютна мгла!

ИНОПЛАНЕТЯНКА

Среди людей я не умею:
Стихи рождаются в тиши.
 Но чем я дальше, тем сильнее
 Влечет вас зов моей души.

Что я узнала о полете
Среди распахнутых полей?
 Куда еще за мной пойдете
 И тонкой дудочкой моей?

Что я узнала о дороге,
О белой солнечной пыли?
 И что вам до моей тревоги, —
 Скажите, жители Земли?

АББАТСТВО АЙНЗИДЕЛЬН

Варваре Непомнящей

цифры вывели в столбик мелом
люди в черном и люди в белом

и застыли кругом почетным
люди в белом и люди в черном

иногда менялись местами
осеняя себя перстами

затянули тихие гимны
объясни ответь помоги мне

замираю еще болит но
огонек не дрожит в руке

потекла сквозь меня молитва
на неизвестном языке

потекла сквозь меня молитва
потекла сквозь меня молитва
на неизвестном языке

изменяя структуру крови
замедляя скорость ее
и теперь ладонью накрою
наконец я его накрою
неуемное сердце мое

ТРИ СЕСТРЫ

умер день.
глаза мои остры,
но у входа в сумерки робею я.
 первыми восходят три сестры:
 золотая, голубая, белая.

бедный шар
несется во хмелю;
я собой пробоины заделаю.
 как родных сестер я их люблю —
 золотую, голубую, белую.

и когда
позволит за края
небо неделимое и целое,
 разольется по вселенной я —
 золотое, голубое, белое.

ПОЭТ

Нам Музы дорого таланты продают!
К. Батюшков

Зачем вам стон исповедальный —
Не спросит то, что было мной.
Я стала тонкой и хрустальной,
Я стала сильной и стальной.

Какая, мнится вам, удача:
Красив, талантлив и здоров
Поэт — приемник, передатчик,
Распятый между двух миров.